

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 445–452
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 445–452
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-4-445-452>

Научная статья
УДК 349

Информационные системы как правовой инструмент воздействия на общественные отношения: анализ российской и мировой практики

Р. В. Амелин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Амелин Роман Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, ame-roman@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7054-5757>

Аннотация. Введение. Практика государственного управления, сложившаяся в последние десятилетия в Российской Федерации, во многом опирается на внедрение и использование государственных информационных систем во всех сферах. Такие информационные системы становятся инструментом воздействия на общественные отношения, во-первых, выступая продолжением правовых норм, во-вторых, заменяя собственно нормы права в редких отдельных случаях и, наконец, выступая в качестве средства удостоверения и квалификации юридических фактов. **Теоретический анализ.** Юридические факты выступают в качестве важнейших звеньев правового механизма – как в правовом регулировании, так и в правоприменении. Неотъемлемой частью механизма правового регулирования является система фиксации и удостоверения юридических фактов. **Эмпирический анализ.** Государственные информационные системы обеспечивают ведение государственных реестров, предназначенных для регистрации и хранения юридических фактов, а также способны собирать информацию в автоматизированном режиме и получать новую информацию на основе обработки первичных данных. В системе правового регулирования наблюдается тенденция наделяния таких данных юридической силой, вследствие чего они выступают в качестве юридических фактов, а информационной системе делегируется деятельность по их квалификации. Усложнение информационных систем приводит к тому, что реализация прав и обязанностей субъектов становится критически зависимой от их корректной работы. **Результаты.** Предложено установить ряд законодательных принципов и ограничений, в частности принцип верификации выводов, полученных с использованием ИС человеком в тех случаях, если такой вывод имеет силу юридического факта, влияющего на права и обязанности лица.

Ключевые слова: государственные информационные системы, трансформация права, источник права, правовое регулирование, юридический факт, квалификация юридических фактов, большие данные, искусственный интеллект

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Эволюция права под воздействием современных цифровых технологий» № 20-011-00355).

Для цитирования: Амелин Р. В. Информационные системы как правовой инструмент воздействия на общественные отношения: анализ российской и мировой практики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 445–452. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-4-445-452>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Information systems as a tool for regulating public relations: Analysis of Russian and world practice

R. V. Amelin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Roman V. Amelin, ame-roman@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7054-5757>

Abstract. Introduction. The practice of public administration in the Russian Federation is largely based on the implementation and use of public information systems in all areas. Such information systems become a tool for influencing public relations, firstly, acting as a continuation of legal norms, secondly, replacing the actual norms of law in rare individual cases and, finally, acting as a means of certifying and qualifying legal facts. **Theoretical analysis.** Legal facts act as the most important links of the legal mechanism – both in legal regulation and in law enforcement. An integral part of the legal regulation mechanism is the system of fixing and certifying legal facts. **Empirical analysis.** State information systems ensure the maintenance of state registers intended for registration and storage of legal facts, and are also able to collect information in an automated mode and receive new information based on the processing of primary data. In the system of legal regulation, there is a tendency to endow such data with legal force, as a result of which they act as legal facts, and the activities for their qualification are delegated to the information system. The increasing complexity of information systems leads to the fact that the implementation of the

rights and obligations of subjects becomes critically dependent on their correct work. **Results.** The author proposed to establish a number of legislative principles and restrictions, in particular, the principle of verification of conclusions obtained through the use of information systems by a person, in cases where such a conclusion has the force of a legal fact that affects the rights and obligations of a person.

Keywords: state information systems, transformation of law, source of law, legal regulation, legal fact, qualification of legal facts, big data, artificial intelligence

Acknowledgments: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project "Evolution of law under the influence of modern digital technologies" No. 20-011-00355).

For citation: Amelin R. V. Information systems as a tool for regulating public relations: Analysis of Russian and world practice. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 445–452 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-4-445-452>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Практика государственного управления, сложившаяся в последние десятилетия в Российской Федерации, во многом опирается на внедрение и использование государственных информационных систем во всех сферах – прежде всего, в целях автоматизации государственного учета и контроля и во вторую очередь – для автоматизации предоставления государственных услуг. Информационные системы становятся необходимыми посредниками в большинстве случаев, когда требуется взаимодействие граждан и организаций с государственными органами или государственных органов друг с другом. При этом изменившиеся процессы требуют новых регламентов, включая установление особых прав и обязанностей субъектов информационных отношений. Осуществляя соответствующее правовое регулирование, федеральный законодатель справедливо не видит необходимости в закреплении деталей порядка взаимодействия с информационной системой, ограничиваясь установлением основных элементов ее правового режима: права и обязанности поставщиков информации, пользователей, оператора системы, состав информационных ресурсов, цели и назначение и т.д. [1]. Это задача подзаконного регулирования. Но и на этом уровне порядок работы системы опускает многие «технические» детали работы системы, такие как последовательность экранных форм, форматы файлов и т.д. Как правило, влияние подобных аспектов на права и обязанности пользователей незначительно, хотя известны прецеденты, когда несовпадение форматов или размеров файла не позволяли в срок выполнить обязанности по предоставлению информации, реализовать право на обращение в государственный орган и т.д.

Бланкетные нормы подзаконных нормативных актов достаточно часто стали включать формулировки «посредством информационной системы», «с использованием информационной системы» или даже ссылки на отдельные подсистемы и экранные формы: «Регистрация

граждан Российской Федерации осуществляется с использованием интерактивной формы регистрации гражданина Российской Федерации единой системы» [2]. Другими словами, бланкетная норма ссылается фактически на саму ГИС. Многие исследователи проводят аналогию «продолжения норм права» информационной системой с техническими регламентами, справедливо обращая при этом внимание на ее иную, «активную» природу. Рассматривая использование информационных систем в бюджетных отношениях, Н. В. Омелешина задается вопросом, «можно ли говорить об иной сущности права в данном случае, поскольку правовое воздействие на поведение между людьми происходит через формирование моделей поведения как описание взаимодействия не непосредственно людей между собой, а с определенными объектами, которые, в свою очередь, определяют, выстраивают соответствующие отношения между людьми» [3, с. 135]. Автор высказывает предположение, что в перспективе «результатом цифровизации бюджетной сферы может стать ликвидация финансового органа с возложением его функций на автоматизированную систему управления (подобно онлайн системе предоставления кредитов)» [3, с. 136], при этом возникнет потребность оценить правовой статус такой системы «как искусственно сконструированного субъекта права (искусственный интеллект) с наличием воли и возможности осуществлять волевые решения (по аналогии с юридическим лицом, действующим на основании учредительного документа – устава (в данном случае, возможно, технического паспорта)), определяющего правовой статус создателей, владельцев, управленцев, контролеров» [3, с. 137].

Зачастую отдельные аспекты информационного взаимодействия посредством той или иной ГИС могут быть вообще не урегулированы законодательством. В этих случаях сама информационная система, ее алгоритмы и программный код заполняют соответствующие лакуны, даже если бланкетная норма прямо на нее не ссылается.

Кроме того, вследствие усмотрения разработчика или даже программной ошибки возможности, которые предоставляет система субъектам информационного взаимодействия, или результат ее работы могут в принципе не соответствовать ни одному нормативно установленному регламенту. При этом, как мы неоднократно писали, если государство закрепляет обязательность использования такой ГИС и легализует ее как основной (а нередко единственный) способ реализации определенных прав и обязанностей, то государственная информационная система становится особым правовым инструментом регулирования общественных отношений.

Как в первом, так и во втором случае уместно говорить о том, что государственные информационные системы де факто становятся источником права, что также неоднократно отмечалось нами и другими авторами [1]. В программном коде таких систем закреплены возможности и ограничения по использованию системы, влияющие на способы и пределы реализации определенных прав и обязанностей субъектов, эти системы официально санкционированы государством. Установлены санкции за невыполнение обязанностей, связанных с использованием государственных информационных систем (в том числе предоставлении посредством них информации в государственные органы).

Однако проблема еще не получила должного научного звучания в связи с ее недостаточной актуальностью. Несмотря на ряд отдельных прецедентов, связанных с нарушением прав граждан из-за диктата требований информационных систем, которые произвольно трактовали или дополняли нормы права, в настоящее время такие требования носят в большинстве своем крайне локальный и сугубо технический характер. Признавая, что произвольные ограничения, установленные разработчиком на размер и форматы передаваемых файлов, способны затруднить пользователю взаимодействие с государственными органами посредством ГИС, сложно увидеть в этом существенное и непреодолимое нарушение его прав.

Мы совершенно уверены, что экстраполяция существующих тенденций в практике использования ГИС в государственном управлении, а именно их внедрение во все сферы управления и использование как не имеющего альтернативы способа взаимодействия граждан и государства вкупе с постоянным усложнением используемых алгоритмов и технологий, приведет к признанию программного кода информационных систем одним из источников права и необходимости его полной имплементации с традиционной правовой системой. В настоящий же момент более актуальной представляется иная тенденция, связанная с

воздействием информационных систем (в первую очередь, государственных) на общественные отношения – *их использование в качестве средства квалификации юридических фактов.*

Теоретический анализ

Юридический факт является одной из фундаментальных правовых категорий. Согласно одному из наиболее ранних определений, под юридическим фактом понимается «всякое обстоятельство, влекущее за собой по закону те или иные юридические последствия» [4, с. 73]. В современной доктрине юридические факты определяются как «социальные обстоятельства (события, действия), вызывающие в соответствии с нормами права наступление определенных правовых последствий – возникновение, изменение или прекращение правовых отношений» [5, с. 427].

Юридические факты выступают в качестве важнейших звеньев правового механизма – как в правовом регулировании, так и в правоприменении. С точки зрения правового регулирования юридический факт является неотъемлемой частью идеальной правовой модели, сконструированной в форме нормы права. Воля государства, регулирующего определенные общественные отношения, проявляется в том, признается ли то или иное событие (действие, обстоятельство) юридическим фактом и какие права и обязанности оно порождает [6, с. 286]. В правоприменении возникновение соответствующих прав и обязанностей неразрывно связано с юридической квалификацией фактических обстоятельств, в результате которой они официально приобретают качество юридических фактов [7, с. 109]. Как справедливо отмечал О. А. Красавчиков, фактическое действие не вызывает юридических последствий, не имея юридической значимости [8, с. 153] (т.е. не будучи квалифицированным как юридический факт).

Таким образом, следует согласиться с В. Б. Исаковым в том, что «установление юридических фактов используется законодательством как средство воздействия на поведение субъектов» [7, с. 59], а их основная функция в правовом регулировании «заключается в обеспечении перехода от общей модели прав и обязанностей к конкретной» [7, с. 57] или в широком смысле – в обеспечении возникновения, изменения и прекращения правовых отношений [9].

В очерке, посвященном глубокому анализу признаков и классификации юридических фактов, В. В. Долинская указывает, что «и закрепление в норме права идеальной правовой модели, и придание последствиям юридического значения связаны еще с одной характеристикой юридических фактов – их фиксацией и удостоверением»

[10, с. 95]. Фиксация состоит в регистрации, документальном закреплении фактических обстоятельств, а удостоверение представляет собой подтверждение истинности фактов и их существования. Неотъемлемой частью механизма правового регулирования является система фиксации и удостоверения юридических фактов, которая, по мнению автора, включает:

– органы и организации, уполномоченные фиксировать и удостоверить те или иные фактические обстоятельства;

– установление законом средств фиксации и удостоверения, стандартных процедур с ними (например, издание документов);

– действия по выдаче информации о юридических фактах (например, свидетельства, копии) [10, с. 96].

Эмпирический анализ

Информатизация и цифровизация всех сфер человеческой деятельности, в частности сферы государственного управления, приводит к тому, что в системе квалификации (фиксации, удостоверения) юридических фактов все большая роль отводится новым цифровым технологиям и, в частности, информационным системам, представляющим собой объединение информации, систематизированной в базах данных, и программно-технических средств, предназначенных для их обработки. Особый статус имеют при этом государственные информационные системы, созданные на основании федеральных законов и правовых актов государственных органов. Правовой режим государственных информационных систем включает обязанности определенных субъектов по предоставлению информации в систему и ее использованию, а также – правовые последствия, связанные с наличием в системе той или иной информации.

Информационная система является совершенно естественным инструментом для регистрации и закрепления фактических обстоятельств в форме электронного документа, т.е. фиксации юридических фактов. Этой цели служат многочисленные регистры и реестры, созданные за последние 30 лет во всех сферах государственного управления. Ранее существовавшие государственные реестры на бумажных носителях постепенно полностью вытесняются их цифровыми аналогами.

Основным назначением информационной системы является предоставление ее пользователям информации (в случае государственных информационных систем – имеющей, как правило, юридическое значение, в частности, официальный статус согласно ч. 9 ст. 14 Закона

об информации [11]). При этом важно отметить, что система способна хранить и предоставлять информацию в том виде, в котором она была внесена уполномоченными субъектами, а также *создавать и предоставлять новую информацию* на основе обработки поступивших первичных данных – в том числе данных, собираемых в автоматическом режиме с помощью программно-технических средств.

В первом случае информационная система принципиально не отличается от классических средств фиксации юридических фактов, принятых в бумажном документообороте, за исключением специфики сбора, хранения и передачи информации в цифровой форме, которая в основном сводится к иной модели угроз и рисков и требует особых мер по обеспечению защиты информации от несанкционированного копирования, модификации или блокирования, а также применения специальных мер и технологий для подтверждения целостности (неизменности) информации, имеющей юридическое значение.

Новая тенденция, не имеющая аналогов в предыдущих системах фиксации и удостоверения юридических фактов, возникает, когда информационная система создает новую информацию, которая порождает правовые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений – на основании прямого указания закона или в результате сложившейся практики государственного управления. Другими словами, информационные системы используются для *квалификации* (и даже установления) *юридических фактов*.

Обработка данных и создание новой (результатной) информации на основе первичной производится с момента внедрения первых государственных информационных систем. Однако далеко не сразу такая информация стала автоматически приобретать юридическое значение.

Государственная автоматизированная система «Выборы», созданная в 1993 г., использовалась для определения предварительных результатов голосования. В соответствии с ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 10.01.2003 № 20-ФЗ, документ на бумажном носителе, подготовленный с использованием ГАС «Выборы» в соответствии с федеральными законами, приобретает юридическую силу после его подписания соответствующими должностными лицами [12]. В ч. 7 ст. 80 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» прямо установлено, что данные о ходе голосования и его результаты, полученные через ГАС «Выборы», являются предварительной, не имеющей юридического значения информацией

(за исключением экспериментальных случаев, связанных с внедрением и использованием КОИБ). Итоговые результаты голосования определялись в том числе с использованием ручной проверки и вносились в систему в качестве отдельного документа [13].

Государственная автоматизированная система «ЭРА-ГЛОНАСС», созданная в 2009 г., предназначена для оперативного получения информации о дорожно-транспортных происшествиях на основании обработки сигналов ГЛОНАСС и иных данных, имеющихся в системе, а также передачи обработанной информации в систему обеспечения вызова экстренных оперативных служб [14]. При этом, согласно ст. 9 Федерального закона от 28.12.2013 № 395-ФЗ, указанные службы и уполномоченные органы после получения такой информации обязаны приступить к реагированию на эти происшествия в установленном порядке и разместить в системе информацию о начале такого реагирования и мерах экстренного реагирования. В данном случае юридическим фактом, порождающим юридические обязанности, является именно создание государственной информационной системой определенной результатной информации, сама же эта информация (действительное совершение ДТП) еще не квалифицируется как юридический факт и будет проверяться оперативными службами на месте.

Внедренная в 2014 г. ФИС ГИА и приема используется вузами для проверки достоверности информации о результатах ЕГЭ. В целях защиты персональных данных абитуриентов вуз лишен возможности получить такие результаты напрямую. Система позволяет подать запрос в режиме проверки – вводятся данные, предоставленные абитуриентом, а система подтверждает или не подтверждает эти данные. Отрицательный ответ системы (результат обработки запроса) является основанием для отклонения заявления абитуриента [15].

Приложение «Социальный мониторинг», по существу, представляющее собой государственную информационную систему [16, с. 148–156], было разработано в 2020 г. правительством Москвы в целях противодействия распространению коронавирусной эпидемии. Данное приложение использовалось для контроля за соблюдением гражданами режима изоляции. В соответствии с п. 3.1 Порядка применения приложения «Социальный мониторинг» [17], нарушением гражданином требований нормативных правовых актов города Москвы являются: а) зафиксированное приложением «Социальный мониторинг» нахождение гражданина более

чем в 50 метрах от установленного места изоляции; б) невыполнение в установленный срок первоначальной регистрации в приложении; в) невыполнение в установленный срок требования об обязательном соблюдении режима самоизоляции. Таким образом, данная информационная система (приложение) использовалась непосредственно для установления и квалификации юридических фактов – в результате работы системы автоматически готовился проект решения о наложении административного взыскания. В последние годы аналогичные функции исполняют системы фиксации правонарушений, основанные на системах автоматического распознавания лиц [18], автомобильных номеров и т.д. Но заслуживающая внимания тенденция заключается в том, что должностные лица, формально принимающие решения, получают все меньше информации для оценки его обоснованности (по сравнению со снимком с дорожной камеры, зафиксировавшей нарушение, в совокупности с показаниями приборов данные геолокации, предоставляемые приложением «Социальный мониторинг» и свидетельствующие, по мнению системы, о нарушении режима изоляции, не дают человеку возможности самостоятельной интерпретации). Соответственно, лицо, подвергнутое административному взысканию, также имеет все меньше возможностей аргументированно оспаривать в суде то, что информационная система посчитала юридическим фактом.

Принципиально то, что данная тенденция характерна не только для государственных информационных систем, функционирующих на основании закона и практически не позволяющих игнорировать результаты своей работы, если закон придает им юридическое значение. Достаточно прецедентов накопилось и в сфере использования коммерческих информационных систем. Так, к «крупнейшей судебной ошибке в истории Великобритании» привело использование почтовой компанией Post Office программы Horizon, в которой имелась ошибка при составлении финансовых отчетов. Из отчетов программы следовало, что сотрудники компании похитили десятки тысяч фунтов. За четырнадцать лет использования этой программы более 700 человек подверглись судебному преследованию. Некоторые из них были привлечены к уголовной ответственности [19]. Ошибочный вывод программы квалифицировался судами как юридический факт – притом что данная программа была основана на простых арифметических расчетах и обнаружить ошибку было возможно. Выводы современных информационных систем, основанных на «больших данных» и алгоритмах

искусственного интеллекта, принципиально не могут быть верифицированы человеком [20].

Экстраполяция тенденций использования современных информационных систем как источника новых фактов, необходимых для принятия решений, становится особенно важной, принимая во внимание, что эти решения могут напрямую затрагивать права и свободы граждан в силу государственной политики и на основании закона. Наиболее значительный эксперимент в этом направлении осуществляет Китай. В ближайшие годы по всей стране должна быть внедрена система «социального кредита». По данным видеонаблюдения и другим зафиксированным фактам о личности, автоматически будет изменяться социальный рейтинг гражданина, от которого, в свою очередь, будут зависеть его права: «...одни своей законопослушностью и лояльностью власти нарастят кредитные баллы и получат приоритеты в государственном обслуживании. Другие, незначительно потерявшие баллы, оставят за собой права на скидки по коммунальному и банковскому обслуживанию. Существенно растратившие кредитные баллы китайцы попадут под подозрение и не смогут работать в государственных и муниципальных органах. Потерявшие треть баллов граждане будут ограничены в правах на получение работы, кредита, билетов на транспорт и т.п. Общение с такими изгоями чревато для граждан высших категорий стремительным падением их рейтинга» [21, с. 88].

Результаты

Для того чтобы права и свободы граждан не оказались в полной зависимости от корректности работы информационных систем и технических средств фиксации информации, используемых государственными органами, необходимо развитие законодательства в данной сфере, которое должно основываться, как нам представляется, на следующих рамочных принципах.

1. В законодательстве должно быть определено понятие средств автоматического сбора юридически значимой информации. В каждом случае, когда на основе информации, полученной с использованием таких средств, могут быть приняты решения, затрагивающие права и обязанности лиц, порядок принятия решений должен быть законодательно закреплен, при этом должны быть закреплены процедуры верификации, удостоверения и оспаривания такой информации, предполагающие участие человека.

2. В случае, когда на права и обязанности лиц влияет информация, получаемая в результате обработки первичных данных информационными

системами, это должно быть нормативно зафиксировано. Алгоритм получения такой информации должен быть открытым и проверяемым (у независимого эксперта должна быть возможность проверить корректность конкретных результатов работы системы вручную или с использованием сторонних программных средств).

3. В случаях, когда проверка выводов системы невозможна или нецелесообразна (ввиду большого количества исходной информации, включающей информацию ограниченного доступа, использование алгоритмов искусственного интеллекта и т.д.), такие выводы не должны использоваться как юридические факты, непосредственно влияющие на права и обязанности лиц, а могут служить лишь основанием для фиксации и удостоверения соответствующих фактов иными средствами и процедурами, например по результатам проведения проверки с участием человека.

Таким образом, информационные системы в российской и мировой практике превращаются в инструмент воздействия на общественные отношения, тесно связанный с правовой системой, выступающий в качестве ее продолжения и даже способный заменять ее в определенных случаях (иногда вопреки воле регулятора). Постепенное возрастание роли государственных информационных систем как источника права является, на наш взгляд, одной из наиболее революционных трансформаций права, которая станет актуальной уже в ближайшем будущем, но требует научного осмысления уже сегодня. Что касается использования информационных систем как средства автоматической фиксации, удостоверения и квалификации юридических фактов, то, несмотря на более мягкий характер этого явления, на первый взгляд не вносящего принципиальной новизны в правовую доктрину и практику, в настоящее время оно принимает всеобъемлющий характер. Исходя из существующих тенденций (тотальное усложнение современных информационных систем, невозможность верификации результатов обработки данных с помощью современных алгоритмов, использование результатов автоматической обработки данных как основного источника принятия решений в государственном управлении), можно утверждать, что влияние информационных систем на права и свободы граждан как с точки зрения возможностей реализации таких прав и свобод, так и с точки зрения угроз правам и свободам, возникающим вследствие некорректного их функционирования, требует глубокого научного осмысления и создания соответствующих правовых механизмов для эффективного и безопасного применения данного инструментария.

Список литературы

1. Амелин Р. В. Государственные и муниципальные информационные системы в российском информационном праве : теоретико-правовой анализ / под ред. С. Е. Чаннова. М. : ГроссМедиа, 2018. 324 с.
2. Об использовании федеральной государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» : постановление Правительства РФ от 10.07.2013 № 584 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30 (ч. II), ст. 4108.
3. Омелехина Н. В. Цифровизация бюджетной сферы как предмет правового воздействия // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 127–140. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.099>
4. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 9-е изд. М. : Издание Бр. Башмаковых, 1911. 851 с.
5. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. В. К. Бабаева. М. : Юрайт, 2019. 582 с.
6. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М. : Юридическая литература, 1974. 352 с.
7. Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. М. : Юридическая литература, 1984. 144 с.
8. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М. : Госюриздат, 1958. 184 с.
9. Общая теория государства и права : Академический курс : в 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. Т. 1. М. : Зерцало, 1998. 656 с.
10. Долинская В. В. Понятие и классификации юридических фактов : очерк систематизации // Законы России : опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 91–103.
11. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3448.
12. О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы» : федер. закон от 10.01.2003 № 20-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Вешняков А. А. Общая характеристика гарантий обеспечения избирательных прав граждан с использованием ГАС «Выборы» // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 8. С. 2–10.
14. О государственной автоматизированной информационной системе «ЭРА-ГЛОНАСС» : федер. закон от 28.12.2013 № 395-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. О федеральной информационной системе обеспечения проведения государственной итоговой аттестации обучающихся, освоивших основные образовательные программы основного общего и среднего общего образования, и приема граждан в образовательные организации для получения среднего профессионального и высшего образования и региональных информационных системах обеспечения проведения государственной итоговой аттестации обучающихся, освоивших основные образовательные программы основного общего и среднего общего образования : постановление Правительства РФ от 31.08.2013 № 755 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 36, ст. 4583.
16. Проблемы и вызовы цифрового общества : тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций : в 2 т. / под ред. Н. Н. Ковалёвой. Т. 2. Саратов : Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2020. С. 148–156.
17. Об утверждении Порядка применения технологии электронного мониторинга местоположения гражданина в определенной геолокации с использованием мобильного приложения «Социальный мониторинг» : распоряжение Департамента информационных технологий г. Москвы от 29.04.2020 № 64-16-186/20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Komkova G., Amelin R., Kulikova S. Legal Protection of Personal Image in Digital Relations: Leading Trends // Proceedings of the 6th International Conference on Social, Economic, and Academic Leadership (ICSEAL-6-2019). Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2020. Vol. 441. P. 382–390.
19. Clark M. Bad software sent postal workers to jail, because no one wanted to admit it could be wrong // The Verge. 23.04.2021. URL: <https://www.theverge.com/2021/4/23/22399721/uk-post-office-software-bug-criminal-convictions-overtuned> (дата обращения: 12.08.2021).
20. Майер-Шенбергер В., Кукьер К. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. 240 с.
21. Чекменёва Т. Г., Ершов Б. А., Трубицын С. Д., Остапенко А. А. Стратегия Китая по обеспечению информационной безопасности : политический и технический аспекты // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2020. № 7 (9). С. 78–97. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3911320>

References

1. Amelin R.V. *Gosudarstvennye i munitsipal'nye informatsionnye sistemy v rossiiskom informatsionnom prave: teoretiko-pravovoi analiz* [State and Municipal Information Systems in Russian Information Law: Theoretical and Legal Analysis]. Moscow, GrossMedia Publ., 2018. 324 p. (in Russian).
2. On the use of the federal information system “A unified identification and authentication system in the infrastructure that provides information technology interaction of systems, use for state and municipal services in electronic form”. Decree of the Government of the Russian Federation of July 10, 2013 no. 584. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2013, no. 30 (pt. II), art. 4108 (in Russian).
3. Omelehina N. V. Digitalization of the budget sphere as a subject of legal impact. *Zhurnal rossiiskogo prava*

- [Journal of Russian Law], 2020, no. 8, pp. 127–140 (in Russian). <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.099>
4. Shershenevich G. F. *Uchebnyk russkogo grazhdanskogo prava* [Russian Civil Law Textbook]. 9th ed. Moscow, Izdanie Br. Bashmakovykh, 1911. 851 p. (in Russian).
 5. Babaev V. K., ed. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of Government and Rights. Textbook for universities]. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 582 p. (in Russian).
 6. Khalfina R. O. *Obshchee uchenie o pravootnoshenii* [General Doctrine of Legal Relationship]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1974. 352 p. (in Russian).
 7. Isakov V. B. *Yuridicheskie fakty v sovetskom prave* [Legal Facts in Soviet Law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1984. 144 p. (in Russian).
 8. Krasavchikov O. A. *Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave* [Legal Facts in Soviet Civil Law]. Moscow, Gosjurizdat, 1958. 184 p. (in Russian).
 9. Marchenko M. N., ed. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: Akademicheskii kurs* [General Theory of State and Law: Academic Course: in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow, Zertsalo Publ., 1998. 656 p. (in Russian).
 10. Dolinskaya V. V. The concept and classification of legal facts: A sketch of systematization. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Russian Laws: Experience, Analysis, Practice], 2018, no. 4, pp. 91–103 (in Russian).
 11. On information, information technology and information protection. Federal Law 149-FZ of 27.07.2006. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2006, no. 31 (pt. 1), art. 3448 (in Russian).
 12. On the State Automated System of the Russian Federation “Elections”. Federal Law 20-FZ of 10.01.2003. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 13. Veshnjakov A. A. General characteristics of guarantees of ensuring the electoral rights of citizens using the GAS “Vybory”. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2006, no. 8, pp. 2–10 (in Russian).
 14. On the state automated information system “ERA-GLONASS”. Federal Law 395-FZ of 28.12.2013. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 15. On the federal information system for ensuring the state final certification of students who have mastered the basic educational programs of basic general and secondary general education, and the admission of citizens to educational organizations for obtaining secondary vocational and higher education and regional information support systems conducting state final certification of students who have mastered the basic educational programs of basic general and secondary general education. Decree of the Government of the Russian Federation no. 755 of August 31, 2013. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2013, no. 36, art. 4583 (in Russian).
 16. Kovaleva N. N., ed. *Problemy i vyzovy tsifrovogo obshchestva: tendentsii razvitiya pravovogo regulirovaniya tsifrovyykh transformatsiy* [Problems and Challenges of the Digital Society: Trends in the Development of Legal Regulation of Digital Transformations: in 2 vols.]. Vol. 2. Saratov, Izd-vo Saratovskoi gosudarstvennoi juridicheskoi akademii, 2020, pp. 148–156 (in Russian).
 17. On approval of the Procedure for applying the technology of electronic monitoring of a citizen's location in a specific geolocation using the Social Monitoring mobile application. Order of the Moscow Department of Information Technologies no. 64-16-186/20 of 29.04.2020. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 18. Komkova G., Amelin R., Kulikova S. Legal Protection of Personal Image in Digital Relations: Leading Trends. *Proceedings of the 6th International Conference on Social, Economic, and Academic Leadership (ICSEAL-6-2019)*. Advances in Social Science, Education and Humanities Research, 2020, vol. 441, pp. 382–390.
 19. Clark M. Bad software sent postal workers to jail, because no one wanted to admit it could be wrong. *The Verge*, 23.04.2021. Available at: <https://www.theverge.com/2021/4/23/22399721/uk-post-office-software-bug-criminal-convictions-overtuned> (accessed 12 August 2021).
 20. Mayer-Schenberger V., Kukier K. *Bol'shie dannye. Revolyutsiya, kotoraya izmenit to, kak my zhivem, rabotaem i myslim* [Big Data. A Revolution that will Change the Way We Live, Work and Think]. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2014. 240 p. (in Russian).
 21. Chekmenjova T. G., Ershov B. A., Trubicyn S. D., Ostapenko A. A. China's Information Security Strategy: Political and Technical Aspects. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*, 2020, no. 7 (9), pp. 78–97 (in Russian). <https://doi.org/10.5281/zenodo.3911320>

Поступила в редакцию 17.08.2021, после рецензирования 10.09.2021, принята к публикации 16.09. 2021
Received 17.08.2021, revised 10.09.2021, accepted 16.09.2021